

Луи Буссенар

ИЗ ПАРИЖА
В БРАЗИЛИЮ
ПО СУШЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 92

Louis Boussenard
DE PARIS AU BRÉSIL PAR TERRE
Перевод с французского Елены Морозовой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрации Жюля Фера

ISBN 978-5-389-23697-4

© Е. В. Морозова, перевод, 2025
© Е. В. Трепетова, статья, примечания, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧЕРЕЗ ЕВРОПУ
И АЗИЮ

ГЛАВА I

Неожиданная остановка. — Грозный капитан Еменов. — Существа в скафандрах. — Ужасный приказ. — Конвой каторжников. — Ссылные в Сибири. — Страдания ссыльнокаторжных. — «Милосердная», или Песня русских каторжников. — В караульной избе. — Допрос. — Экватор и сибирские снега. — Путешественники или заговорщики? — Русские или французы?

— Стой! — Повелительный голос, прозвучавший словно удар хлыста, разорвал густой туман.

— А что случилось? — раздался удивленный вопрос, исходивший из мчавшихся на изрядной скорости саней.

— Да ничего, — ответил ямщик, не переставая подгонять коней. — Эх, залетные, шибче!

— Стой! — явно не желая слушать седока в санях, снова крикнул кто-то грозным голосом.

— Давай, ласточки мои! — прокричал ямщик, не намереваясь останавливаться.

Сквозь снежную пелену блеснула сталь, и из-за завесы густых хлопьев снега донесся сухой треск наспех заряжаемых ружей. Мужичок, поначалу решивший стрелой пролететь сквозь ошенившийся штыками полукруг, перепугался и попытался остановить упряжку, издав губами причудливое тремоло, привычное для русских ямщиков. Но лошади его не послушались. В довершение несчастья лопнула веревка, служившая ему поводьями, которые он от страха натянул с удвоенной силой. Катастрофа казалась неминуемой, но внезапно на пути тройки возникла высокая фигура, закутанная в длинную шубу и в надвинутой до самых глаз меховой шапке.

Известно, что русские обычно запрягают в сани тройку лошадей. Посредине в оглобли ставится быстрый и сильный рысак, а по обе стороны от него подбирают более мелких лошадей,

способных непрерывно мчаться галопом. Концы оглобель соединяются дугой, напоминающей огромную подкову, в верхней точке которой подвешивают большой колокольчик, чей звон слышен иногда дальше чем за километр. Коренник, чья сбруя прочно крепится к дуге и оглоблям, вынужден высоко держать голову и смотреть только вперед, в то время как обе его пристяжные имеют возможность галопировать по своему усмотрению и поворачивать голову к вознице.

Незнакомец, очевидно обладавший изрядной физической силой, явно знал об этой особенности, а потому не колебался ни секунды. Недрогнувшей рукой он вцепился кореннику в ноздри, наиболее чувствительный орган лошади, и сжал их, одновременно нанеся животному сильный удар, заставивший его пасть на колени. И все эти действия были проделаны буквально за одно мгновение.

От такой резкой остановки сани дернулись и, потеряв равновесие, опрокинулись; не помогли даже деревянные шесты, прикрепленные вдоль бортов для обеспечения устойчивости.

Сидевший на облучке ямщик вылетел из саней и головой воткнулся в огромный сугроб, над которым остались торчать только его ноги.

— А ну, ребята, — командным тоном, в котором прозвучала легкая насмешка, проговорил человек, обладавший недюжинной силой, позволившей ему остановить на скаку тройку, — что же это вы, захотели, не простившись, уйти от славного капитана Еменова? Кишка тонка! Куда вам, молокососам, обманывать такого старого сибирского медведя, как я. Живо вылезайте и встать руки по швам! Да пошевеливайтесь!.. Все равно никуда не денетесь...

Из-под саней послышались приглушенные звуки; попавшим в столь бедственное положение путешественникам, очевидно, было слишком трудно, пожалуй даже и вовсе невозможно, исполнить приказ грозного капитана Еменова.

— Эй, ребяташки, — обратился капитан к сопровождавшим его солдатам, — вместо того чтобы бессмысленно таращить на меня глаза, давайте-ка поставьте мне эти санки на полозья и вытаскивайте из кибитки тех, кто в них укрылся. Разумеется, со всем подобающим им почтением.

Journal des Voyages

ET DES AVENTURES DE TERRE ET DE MER

N° 347. — Prix : 15 centimes. — JOURNAL HEBDOMADAIRE : Bureaux : 7, rue du Croissant.
Abonnements. PARIS, 3 fr. — DÉPARTEMENTS, 10 fr. — ÉTRANGERS, 12 fr. — Dimanche 2 Mars 1854.

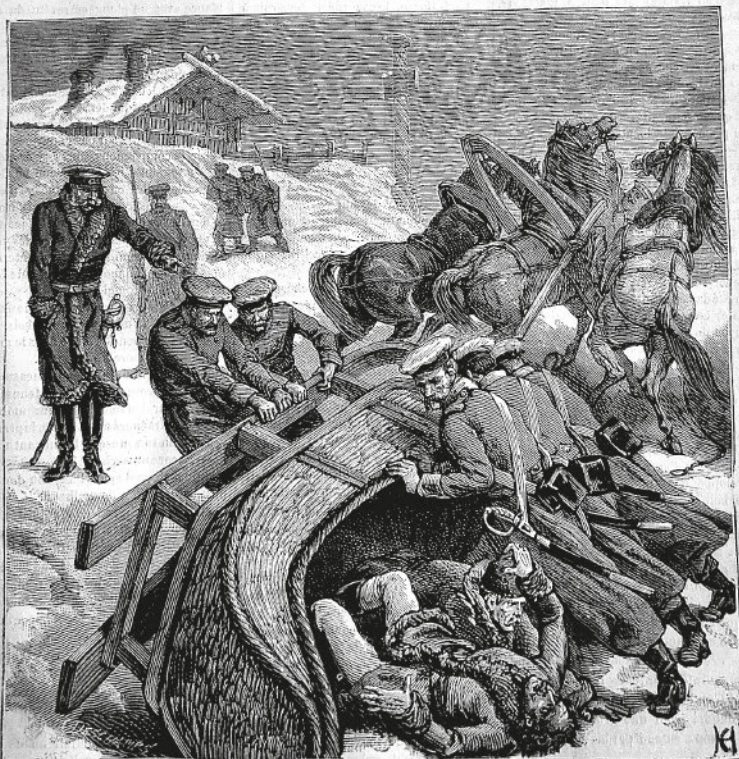
TEXTE. — De Paris au Brésil par terre. — La Cinq Ranges, aventures de deux patres
Partisanes en Russie (suite). — Soixante russes opérés en Sibirie. — Les Ho-
lloisiers marseillais (suite). — À la pêche, un anneau, phénelons projetés, les chiens
du capitaine boussier, le malade, le Crocodile et l'Îlot de Salut. — Chronique
des voyages et de la géographie.

ILLUSTRATIONS. — De Paris au Brésil : Les Cosaques se ruent sur le traicau; —
L'officier les dévotés à tour de rôle. — Soixante russes opérés en Sibirie : Un
opérateur s'efforce d'offrir aux regards de Jésus. — Les Holloisiers marseillais : Grâce
à ses efforts et à son adresse il suit capturer son poisson. — La société s'est examinée
les chiens du capitaine.

DE PARIS AU BRÉSIL

PAR TERRE

Par LOUIS BOUSSENAUD

DE PARIS AU BRÉSIL PAR TERRE. — Les Cosaques se ruent sur le traicau. (Page 130, col. 2.)

Капитану не пришлось дважды повторять приказ солдатам, а точнее, отряду казаков. Не заботясь ни о самих санях, ни об их содержимом, они топорами и прикладами разбили возок, разорвав толстый войлок, которым тот был обит изнутри, и в мгновение ока вышвырнули на снег находившийся в них груз. Так они, без сомнения, поняли приказ поставить «санки на полозья».

Капитан Еменов невозмутимо взирал на сваленные в живописном беспорядке вещи, приготовленные для дальнего путешествия по холодному зимнему времени. Всего несколько минут назад все эти бараньи дохи, мясные консервы, разнокалиберные мешки, сахарные головы, подушки, валенки, матрасы, колбасы, чемоданы из мягкой кожи, бутылки с водкой, веревки, свечи, тупы, молотки, топоры, коробки с чаем и еще масса полезных вещей аккуратно лежали в санях. Теперь поверх этой пестрой, вываленной на снег клады лежали двое путешественников.

Мы даже не пытаемся угадать их пол, ибо они были плотно укутаны в теплые одежды и завернуты в широченные меховые полости, отчего более всего походили на ныряльщиков в скафандрах.

— Они не шевелят ни рукой, ни ногой, — с легким беспокойством в голосе произнес капитан. — Неужели мои казаки по глупости уколошили их?

К великому счастью, подозрения офицера не оправдались, ибо, когда казаки, схватив за шиворот обоих путешественников, хорошенько их встряхнули, а затем, лишив половины гиперборейских одежд, изо всех сил растерли им снегом руки и лицо, те открыли глаза и одновременно звучно чихнули, свидетельствуя, что их жизнедеятельность полностью восстановлена.

— Где мы, черт возьми, и что произошло? — воскликнул один из них по-французски.

— Право, не могу сказать, — ответил второй на том же языке.

Затем, окинув взором разбитые сани, все еще дрожащих от испуга лошадей, которых держали под уздцы солдаты, а также снаряжение и запасы, раскиданные по снегу, первый, чуть не плача, воскликнул:

— Очередная напасть! Что за скверная страна! И куда девался этот чертов ямщик? — Я буду жаловаться властям... Я хочу видеть станционного смотрителя. Пусть мне дадут книгу, куда пишут жалобы...

— Молчать! — рывкнул, так же на французском, капитан Еменов. Несмотря на суровый тон, эта сцена скорее позабавила его, чем разозлила. И, обращаясь к солдатам, он добавил: — Отведите этих двоих на постоянный двор. И отвечаете за них головой! Понятно? А если они попытаются бежать или заговорить с каторжными, прежде чем я с ними разберусь, стрелять без предупреждения. И можете рассчитывать на вознаграждение. Исполняйте!

После такого жесткого ультиматума капитан, не дожидаясь вопросов, развернулся на каблуках и исчез, оставив после себя звон стальных ножен сабли, бившейся о шпоры на его сапогах.

Снег продолжал падать густыми хлопьями. Тусклый бледный день постепенно сходил на нет. Близилась ночь.

Едва оправившиеся от падения пленники, совершенно ошарашенные арестом, причин которого они не понимали, но последствия которого, принимая во внимание место, где они находились, могли оказаться плачевными, медленно брели в окружении взвода солдат. Несмотря на летящие в лицо хлопья снега, они заметили несколько шестов, воткнутых в землю на равном расстоянии друг от друга и служивших для обозначения дороги. Разбитая дорога, пересеченная глубокими выбоинами, закаменевшими от мороза и затруднявшими едва ли не каждый шаг, привела к нескольким жалким домишкам, сложенным из бревен, как обычно строят в Сибири.

На утоптанном снегу виднелись многочисленные следы, свидетельствовавшие о том, что недавно здесь прошла плотная людская толпа.

Ускорив шаг, казаки свернули вправо и двинулись по боковой дорожке, изрытой глубокими ямами, и менее чем через четверть часа вышли на просторную площадь, где напротив полуразрушенной церкви высилось зловещего вида здание.

От обжигающего холода перехватывало дыхание, и вскоре путешественники уже еле брели. А свирепые конвоиры, исполняя приказ грозного офицера, считали своим долгом подгонять их. Но едва они сделали несколько шагов по направлению к сему мрачному сооружению, как на дороге показался вооруженный отряд. Одетые в длиннополые шинели, солдаты шагали в ногу, ритмично печатая на снегу следы кованых сапог.

За ними шла колонна людей, чей измученный вид говорил о долгих и тяжелых страданиях.

— Каторжники!.. — прошептал один из путешественников на ухо своему товарищу.

Тот не ответил; почувствовав, что падает, он привалился к стене стоявшей при дороге избы.

Путешественник не ошибся. Это действительно была колонна арестантов, осужденных российскими судами и сосланных на каторгу в Забайкалье, где их ожидали страдания и смерть в ледяном аду, именуемом Восточной Сибирью.

Впереди шли каторжники в серых балахонах и драных башмаках, с наполовину обритыми головами и распухшими от обморожения лицами. При каждом шаге кандалы, стеснявшие их движения, зловеще звенели. Чтобы обмотать ветошью заклепанные на щиколотках кольца кандалов, каторжнику приходилось собрать достаточно милостыни, и те, кому это удавалось, платили кузнецу за то, чтобы тот, успокоив свою цепетильность, оставлял кольцо достаточно широким. Цепь от ножных кандалов крепилась к поясу куском веревки. Цепь от ручных кандалов позволяла держать руки вместе только спереди, внизу живота. И наконец, третьей цепью сковывали вместе по шесть-восемь человек, тем самым вынуждая их соблюдать строй. Стоило одному из них оступиться и нарушить ритм движения, как железные кольца впились в изъязвленную от постоянного соприкосновения с металлом кожу его товарищей.

За преступниками шли сосланные в Сибирь на поселение. Поселенцы (люди, сосланные пожизненно) тоже были одеты в серые балахоны, только с желтым квадратом на спине. Этот кусочек ткани да еще отсутствие ножных оков отличали их от каторжников. В остальном те же скованные руки, те же стоптанные башмаки, истрепавшиеся за время пути, та же нищета, те же страдания.

Колонну сопровождали два ряда солдат, справа и слева. Они шли, насвистывая или напевая и, возможно, вспоминая предписание, данное офицером перед отправкой, то самое, которое капитан Еменов сейчас напомнил тем, кто взял под стражу двух незнакомцев: «Если один из этих сукиных сынков попытается бежать, стреляйте не раздумывая! Коли даже убьете его, получите пять рублей!» Пять рублей! Даже казаку хватит, чтобы на протяжении двух недель утолять неумную жажду спиртного.

Следом за колонной тащились телеги, запряженные маленькими сибирскими лошадками, тощими и измученными, с длинной свалывшейся шерстью, реквизированные по дороге у местных крестьян. В телегах ехал скудный скарб ссыльных, поверж которого лежал и умирал кто-нибудь из заболевших по дороге,

и тело его, разъедаемое недугом, сотрясилось на каждой рытвине, коих на сем горестном пути великое множество.

За телегами шли женщины, решившие сопровождать своих мужей на поселение и разделить с ними тяготы изгнания. Некоторые из них, кому повезло больше, а иначе говоря, кто смог заплатить, находили местечко в телеге возле умирающих, дрожавших от холода на нищенских пожитках. Женщин подсаживали на телегу лишь тогда, когда усталость окончательно брала над ними верх.

Все остальные шли пешком. Матери вели за руки детей, и мальчиков, и девочек. Измученные малыши спотыкались на ходу и часто падали на дорогу от изнеможения. Тогда матери несли их либо на руках, либо на спине или на плечах — отец не мог снять цепи и покинуть свое место в колонне — и несли до тех пор, пока сами не валились от усталости.

В арьергарде шел еще один отряд солдат. Замыкающие подбегали к отстающим и ударами прикладов заставляли их встать. Хрипя и снова падая, несчастные выбирались из подмерзшей грязи, и солдаты толкали их перед собой до тех пор, пока в них еще теплилась искорка жизни.

Когда несчастные умирали, трупы их оставались лежать на снегу, и снежный саван постепенно полностью накрывал их, не спасая, однако, от голодных волков, рыскавших по ночам в поисках добычи.

При виде этой душераздирающей картины оба незнакомца, растерянные и оцепеневшие от ужаса, вжавшись в бревенчатую стену, мысленно задавали себе вопросы, не осмеливаясь произнести их вслух:

— А как же я?.. Неужели меня ждет участь этих несчастных?

Остановившись на площади, конвой, состоявший из пятисот осужденных, вскоре жалобно затянул заунывную песню, напоминающую не столько песню, сколько нескончаемый плач. И поселенцы, и осужденные за уголовные преступления пели «Милосердную», песнь русских каторжников, молящих о милости.

«Милосердная»... тот, кто хотя бы раз слышал ее, никогда ее не забудет. Она представляет собой череду рвущих душу жалоб, произносимых нараспев псалмов, что-то типа *miserere*, и сопровождается мрачным кандалным звоном; ее невозможно слушать равнодушно. В ней с детской прямоотой рассказывается об

ужасной участи каторжников. Ее простые слова не меняются, как и страдания ссыльных, поэтому она всегда находит отклик в сердцах крестьян.

Не пытаясь узнать, является ли искупление пропорциональным вине осужденного, сибиряки, слушающие эту песнь, понимают ее душу. Жители суровой земли, они на своей шкуре испытали тяготы жизни в Сибири и потому с особым чувством внимают пению «несчастных», как они называют ссыльных. Немощный старик, здоровяк-работник, бедная вдова — все они приносят узникам свою медную лепту или кусок черного хлеба и глубоко кланяются тому, кто принял их скромное подношение.

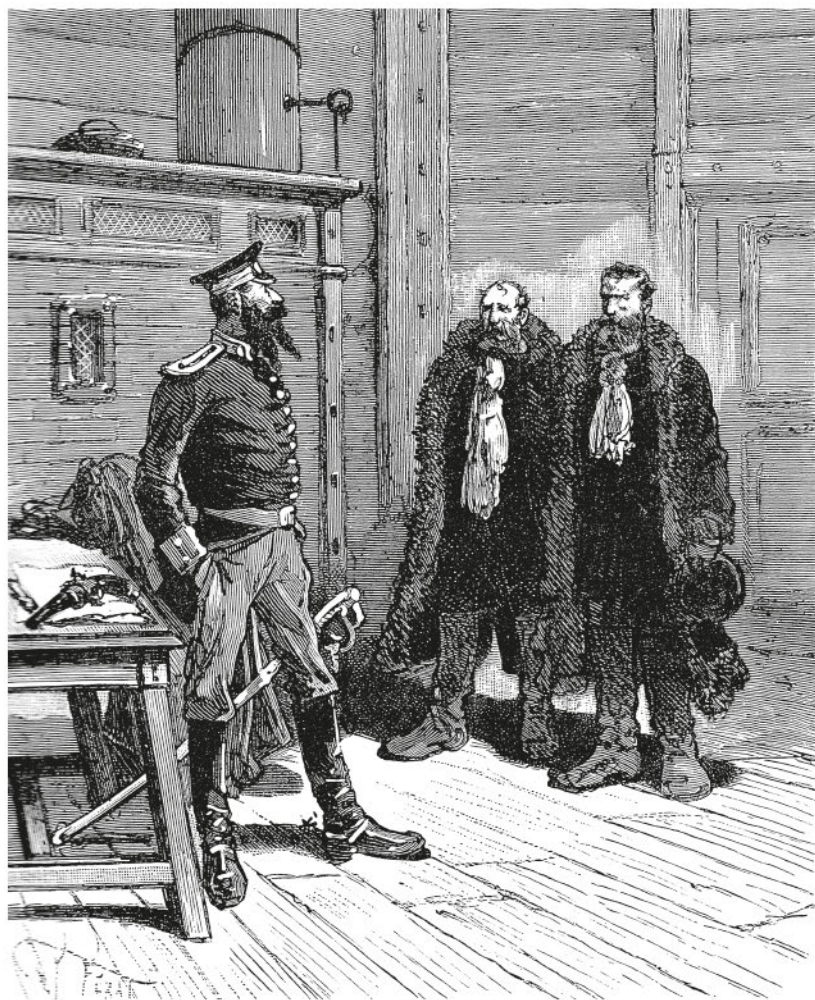
Строго следуя предписанию, полученному от капитана Еменова, солдаты воспрепятствовали попыткам пленников вступить в общение с каторжниками, с любопытством взиравшими на новых товарищей. Проложив энергичными ударами прикладов дорогу через партию каторжан, солдаты препроводили французов в дом, где их ждал офицер.

Смеркалось. Но в предвидении встречи с путешественниками капитан позаботился как следует осветить скромное помещение. Скинув широкую енотовую шубу и оставшись в перетянтом ремнями синем мундире с золотыми пуговицами и, словно на параде, сапогах со шпорами, он оперся о сложенную из кирпича монументальную печь, где с ревом трещали цельные еловые бревна. Напротив, на грубо сколоченном столе, были разложены всевозможные бумаги, поверх которых, заменяя пресс-папье, лежал револьвер большого калибра.

Дверь распахнулась, солдаты втолкнули в комнату своих подконвойных, а сами, с громким стуком поставив на пол ружья, остались караулить в соседней комнате; оба незнакомца вежливо поприветствовали офицера.

Не ответив на приветствия даже кивком, офицер по очереди оглядел путешественников, смерив их взглядом своих светло-голубых, почти бесцветных глаз; так обычно смотрят полицейские, дабы в один миг, окинув вас взором с ног до головы, составить ваш словесный портрет ничуть не хуже фотографа, снявшего вас на карточку.

Перед офицером стояли двое мужчин в расцвете лет, среднего роста и крепкого сложения; их лица, несмотря на вполне естественную озабоченность, дышали искренностью и прямодушием.

Особой приметой, за которую, похоже, главным образом и уцепился капитан, оказались истинно мужицкие бороды путешественников с той разницей, что сие мужское украшение у одного было светло-рыжим, а у другого — черным, как эбеновое дерево. Однако и у одного, и у другого бороды отличались ухоженностью, что свойственно людям, заботящимся о чистоте, этом первом признаке привычки к комфорту. Костюмы для путешествия, в которых остались пленники, сбросив широченные шубы, сиде-

ли на них как влитые и отличались элегантною и изяществом отделки, что указывало на то, что владельцы их отнюдь не являлись первыми встречными.

Капитан на минуту задумался. Проведя несколько раз рукой по седеющим бакенбардам, смыкавшимся, как принято у казаков, с густыми усами, подстриженными щеточкой, он подался вперед и сурово обратился к путешественникам по-русски:

— Кто вы такие?

— Сударь, — твердо, но исключительно вежливо ответил блондин, — имею честь заметить вам, что ни я, ни мой друг не понимаем русского языка. Поэтому мы вынуждены просить вас обращаться к нам по-французски, на нашем языке, который вы, как и большинство ваших соотечественников, наверняка знаете в совершенстве.

— Однако! — прервал их офицер. — Вы, голубчики, еще хитрее, чем я думал. Ладно, согласен. Я спрошу по-французски, хотя живо могу научить вас говорить по-русски, да еще как бегло, даже после одного урока, который по моему приказу даст вам Иван, чья грамматика называется кнут, и он безошибочно применяет ее правила.

— Вы сказали: кнут! — возмущенно воскликнул светловолосый путешественник, побледнев от возмущения, в то время как его товарищ, менее храбрый или, возможно, более впечатлительный, являл все признаки настоящего ужаса.

— Я сказал и повторю: кнут.

— Не знаю, право, сплю я или грежу наяву. Известно, что русские должностные лица, а особенно низшие чины совершенно чудовищно злоупотребляют своим положением, тем не менее мне бы хотелось видеть в вашей угрозе всего лишь пустое бахвальство, причину которого я объяснить не могу; разве что...

— Разве что?

— ...мы стали жертвами чудовищной ошибки.

— Вы все лучше и лучше играете свою роль. Ведь никто из подданных его императорского величества не осмелился бы так разговаривать со скромным служителем, представляющим здесь его величество, и это побуждает меня усомниться в ваших личностях.

— Но я вам уже сказал и готов повторить: мы французы. Вы очень легко в этом убедитесь, если посмотрите наши паспорта,

что лежат у нас в чемодане. Если бы ваши люди не набросились на нас, словно дикари, мы бы уже давно вам их предъявили.

Капитан не ответил. Убрав револьвер, придавливавший разложенные на столе бумаги, он взял одну из них и негромко прочел: «Рост средний...» Так и есть. «Носят окладистую бороду. У одного волосы светлые, у другого темные. Очень деятельные. Особенно светловолосый. Невероятно хитрые... бегло говорят на нескольких языках».

— Точно они, голубчики, — промолвил в сторону офицер. — Посмотрим, насколько у них хватит дерзости. Пожалуй, позволю себе еще немного позабавиться, ведь в этом поганом краю развлечения редки.

— Итак, вы говорите, — продолжил он, притворно смягчив грубый тон, — что вы французы?

— Я вам это уже сказал.

— И как вас зовут?

— Жюльен де Клене, а это мой товарищ Жак Арно.

— Отлично. И разумеется, вы путешествуете ради собственного удовольствия?

— Не совсем так. Господин Жак Арно путешествует по делу, а я сопровождаю его для собственного удовольствия и, надеюсь, для его удовольствия тоже.

— У мерзавца и впрямь язык отлично подвешен, — процедил капитан сквозь зубы. — Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Не будет ли с моей стороны нескромным спросить вас о цели вашего путешествия?

— Нисколько. Мы едем в Бразилию!

Капитан не был готов к столь ошеломляющему ответу, следовавшему от человека, казавшегося вполне разумным, однако явно не сознававшего, что разговор происходит в сибирской избе в нескольких километрах от Томска, то есть на 56-м градусе северной широты и 82-м градусе восточной долготы. Так что при упоминании солнечной страны лицо капитана вытянулось от удивления, ибо горячее бразильское солнце явно никак не вязалось с трескучим морозом, от которого все три собеседника мерзли даже перед раскаленной добела печкой.

— В Бра... Бразилию... — оторопело произнес офицер. — Но в Бразилию не ездят по...

— По суше. Совершенно верно. Есть Берингов пролив, отделяющий Азию от Америки. Пятьдесят с чем-то километров. Сущие пустыки. Но мы преодолеем его зимой, по льду. Дело в том, что мой друг ужасно боится морской болезни. И именно этот страх стал причиной того, что мы оказались в Сибири, а теперь имеем честь познакомиться с вами.

Последние слова, произнесенные с легкой непринужденностью парижанина, везде чувствующего себя свободно, неожиданно пробудили гнев, вот уже несколько минут скапливавшийся в черепной коробке капитана. И взрыв не заставил себя ждать.

— Довольно, сукины дети! Если я и люблю иногда пошутить, то шуточки мои как у медведя... с когтями и клыками. И я не терплю, когда смеются надо мной. Так что повторяю: довольно врать!.. Маски сброшены! Ты называешь себя Жюльеном де Клене, но на самом деле ты Алексей Богданов, студент Рижского университета! А тебя, так называемый Жак Арно, зовут Николай Битжинский, и ты студент из Москвы. И вы оба принадлежите к мерзкой секте нигилистов, заговорщиков, злоумышлявших против нашего батюшки царя! Вас приговорили к пожизненной каторге, но неделю назад вы бежали из Томска... Ну что, убедились, что я все про вас знаю?!

Заслышав громогласную речь своего начальника, ожидавший в соседней комнате унтер-офицер потихоньку приоткрыл дверь, готовый в случае необходимости прийти на помощь.

— А, это ты, Михаил, — мигом взяв себя в руки, произнес капитан Еменов. — Забирай эту парочку. Отведи их на этап да свяжи хорошенько, потому что здесь у нас нет ни кандалов, ни кузнеца. Так что кандалы на них наденут, только когда прибудем в Красноярск. Да предупреди старосту, что он головой мне за них отвечает.

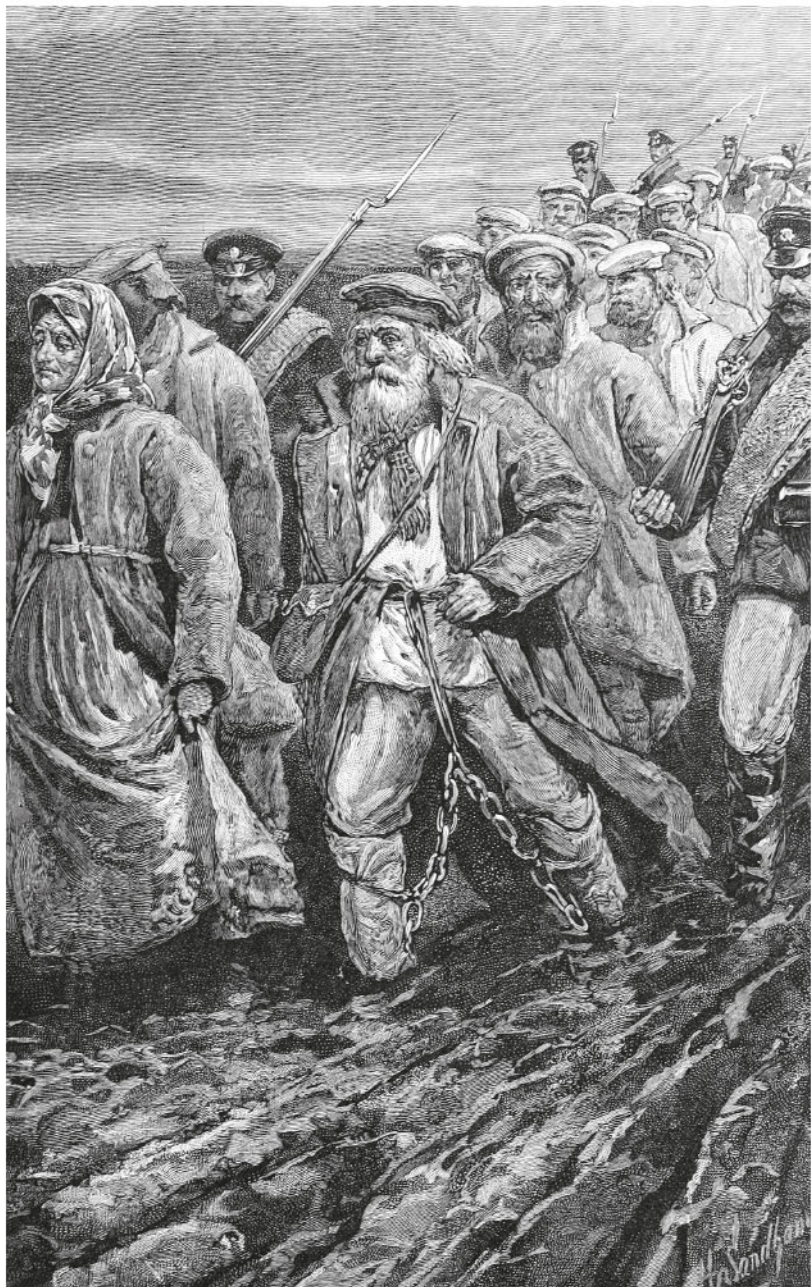
ГЛАВА II

Злоключения ссыльнокаторжных. — Дорога длиною в два года. — Пройти пешком в кандалах две тысячи лье. — Что русское начальство подразумевает под облегчением участи каторжников. — Ревани капитана Еменова. — В бараке. — Ад сибирской каторги. — Староста. — Как скрывают побег ссыльнокаторжных. — Полковник Сергей Михайлов. — Солидарность ссыльных. — Нищенский капитал. — Луч надежды

Мы не собираемся ни писать историю сибирского этапа, ни отягощать наше повествование описанием страданий приговоренных к ссылке в Сибирь. Тем не менее наш краткий рассказ, необходимый для ясности повествования, основан исключительно на документах из самых авторитетных источников.

Двадцать лет назад русские, осужденные на каторжные работы, пешком проходили колоссальное расстояние, отделяющее Москву от мест их сибирской каторги. До рудников Забайкалья им приходилось пройти примерно две тысячи французских лье, до Якутска — две тысячи двести лье. Да, все правильно. Две тысячи двести лье! Восемь тысяч восемьсот километров! Почти четвертая часть окружности земного шара. Два года пешего пути до забайкальских рудников. Два с половиной года до Якутска.

С тех пор администрация попыталась предпринять некоторые улучшения, к несчастью скорее внешние, нежели по существу. Ибо на деле они даже не уменьшили расходов на этапирование. Осужденных собирают со всех концов страны либо в Москве, либо в Нижнем Новгороде. Затем партию сажают на пароход и по Каме, одному из притоков Волги, препровождают в Пермь. Из Перми их везут по железной дороге через весь Урал до Екатеринбургa; потом на повозках доставляют в Тюмень, где баржи, взяв их на борт, долго плывут вниз по Тоболу до Тобольска, а от Тобольска до слияния Иртыша и Оби и дальше, уже поднимаясь вверх по Оби, прибывают в Томск.

Буссенар Л.

Б 92 Из Парижа в Бразилию по суше : роман / Луи Буссенар ; пер. с фр. Е. Морозовой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 896 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23697-4

У молодого парижанина по имени Жак Арно умирает богатый дядюшка, и Жаку предстоит отправиться за своим наследством — в Бразилию. К сожалению, Жак безнадежно страдает от морской болезни и не в силах выдержать даже малейшую качку... Решение этой проблемы находит школьный товарищ Жака, Жюльен де Клене. Он предлагает отправиться из Парижа в Бразилию... по суше!

Роман «Из Парижа в Бразилию по суше» — одно из наиболее масштабных, веселых, увлекательных и информационно насыщенных произведений Луи Буссенара. Он повествует о кругосветном путешествии, герои которого пересекают три континента, переживая невероятные приключения. Примечательно, что действие первой части книги разворачивается на необъятных просторах Сибири...

Специально для настоящего издания подготовлен новый, наиболее точный перевод романа, сделаны подробные примечания. В книгу включены классические иллюстрации Жюля Фера к первому французскому изданию, а также иллюстрации из французских журналов и книг путешественников второй половины XIX века.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ЛУИ БУССЕНАР

ИЗ ПАРИЖА В БРАЗИЛИЮ ПО СУШЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Елена Трепетова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Светлана Федорова, Дмитрий Капитонов, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.10.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-32651-01-R